

УДК 297.19 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/70/8

З.А. Тычинских

ТОБОЛЬСКИЕ АХУНЫ В XVI-XVIII ВВ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках темы ФНИ «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)», номер государственного учета НИОКТР АААА-А19-119080790037-1.

Рассматривается малоизученная тема, связанная с составом мусульманского духовенства в Сибири в XVI–XVIII вв. Показано, что среди исламского духовенства в период Сибирского ханства были известны такие категории, как шейхи, муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударисы. Особое место в исламской иерархии отводилось сейидам, являвшимся высшими духовными лицами в тюрко-татарских ханствах и игравшим важную роль в процессе исламизации этих государств.

Ключевые слова: мусульманское духовенство; ахуны; сейиды; Кульмаметевы; Сибирь; Тобольск.

Вопрос о составе мусульманского духовенства в Сибири периода Сибирского ханства и более поздних этапов остается малоизученным. Главной причиной этого, на наш взгляд, является проблема слабости источниковой базы. Несмотря на данное обстоятельство, интерес исследователей к проблеме исламизации Западной Сибири, с которой во многом связана и тема настоящего исследования, не ослабевает, ведется поиск источников и новых методологических подходов. Об этом свидетельствует значительно возросшее в последнее время количество публикаций по истории сибирского ислама [1–13], среди которых особое значение имеют работы, в которых предприняты попытки периодизации распространения ислама в Западной Сибири [10, 12, 13].

Не останавливаясь подробно на характеристике указанных работ, отметим наиболее важные, на наш взгляд, выводы исследователей, касающиеся общего характера исламизации тюрко-татарских государств Западной Сибири. Прежде всего к ним относится вывод о том, что распространение ислама в Западной Сибири происходило в «общем контексте исламизации Золотой орды и постзолотоордынских государств» [12. С. 243]. Несмотря на то, что данное положение еще требует дальнейшего изучения, следует согласиться с тем, что при имеющейся источниковой базе реконструкция процесса исламизации в Сибири возможна лишь при соотнесении его с синхронными процессами в Золотой Орде [13].

Другим важным выводом является то, что данные процессы в Сибири связаны с династией Шибанидов, благодаря конфессиональной политике которых ислам распространялся первоначально при дворе правителей и в среде кочевой аристократии, а затем среди рядового населения. Особую роль в процессе введения ислама на территории Сибири, которая «ранее была за границами мусульманского мира», отведена ханам Ахмад-Гирею и Кучуму, в период правления которых, по мнению большинства исследователей, ислам занял ведущее положение в Тюменском и Сибирском хан-

ствах [13. С. 149]. Период с второй половины XVI в., связанный с деятельностью хана Кучума, был временем принятия населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии [10. С. 804].

О возможности достаточно поздней датировки распространения ислама в Сибири свидетельствует и предположение историка А.К. Бустанова о том, что известный поход шейхов для «установления ислама» в Западной Сибири, связываемый с именем Багауддина Накшбанда и упоминаемый в ряде манускриптов под 1394–1395 гг., «вполне может относиться к эпохе конкуренции двух братств [суфийские братства Накшбандийа и Ясавийа] в XVI–XVII вв.» [4. С. 159].

Таким образом, исследователи приходят к выводу, что широкое внедрение ислама в Сибирском ханстве произошло незадолго до его завоевания Московским государством, в связи с чем можно предположить, что становление системы исламского сообщества и формирование исламских институтов происходило достаточно поздно – на рубеже XVI–XVII вв., что во многом может объяснять определенные их особенности.

Известно, что в результате исламизации Сибирского ханства в состав элиты этого государства вошли и представители исламского духовенства. Высшими духовными лицами в тюрко-татарских государствах были сейиды, являвшиеся потомками пророка Мухаммада и представлявшие особую категорию мусульманского духовенства [8. С. 5]. Достаточно подробно институт сейидов в Золотоордынском государстве и постордынских татарских ханствах рассмотрен в трудах Д. Де Виза и Д.М. Исхакова [1, 8, 14, 15]. Исследователями отмечена особая роль сейидов в процессе исламизации тюрко-татарских государств. Д.М. Исхаков выявляет присутствие сейидов в Шибанидском государстве, а затем и в Сибирском ханстве [1; 8. С. 24]. При этом он отмечает, что сведения об институте сейидов применительно к Сибирскому ханству появляются довольно поздно – лишь к периоду правления хана Кучума [Там же. С. 25]. Вместе с тем известно, что сейиды присутствовали в Шибанидских государ-

ствах намного раньше. Так, еще в окружении хана Абу-л-Хайра находились Кара-сейид и Кул-Мухаммед-сейид, выполнявшие не только религиозные, но и военные функции, принимая участие в некоторых походах хана Абу-л-Хайра [15. С. 619–620]. Д.М. Исхаков называет имена двух верховных сейидов в Сибирском ханстве – Ярым сейида (1572–1574) и его племянника Дин-Али сейида (примерно с 1574–1575 и до 1582) [8. С. 173–174] – и высказывает предположение, что и предки Ярым сейида могли быть верховными сейидами в Искерском юрте [Там же. С. 170–171]. Кроме вышеназванных, при хане Кучуме был известен сейид Тул-Мухаммад, известия о котором относятся к 1598 г. [16. С. 7]. Источники позволяют говорить о том, что роль сейидов при ханском дворе была особенно велика в период исламизации населения государства.

Исследователями называются также такие категории мусульманского духовенства, как шейхи, муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударисы [17. С. 271]. Данные сведения подтверждает предание «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», записанное В.В. Радловым у сибирских татар, в котором перечисляются прибывшие в Сибирь вместе с Ахмет-Гиреем и новым шейх ул-исламом представители духовенства: шейхи, муллы, ахуны и др. [18. С. 212]. Упоминание о том, что в ставке Кучума были «муллы, сеиты и абызы...», встречается в Сибирских летописях, в частности в Есиповской летописи [19. С. 84].

Правда, по поводу ахунов в составе как прибывшей вместе с Ахмет-Гиреем мусульманской миссии, так и в составе духовенства в Сибирском ханстве Д.М. Исхаков выражает сомнение, считая, что данный термин «несет отпечаток XIX в.», т.е. того периода, когда ахуны были более известны [8. С. 178]. Несмотря на присутствие этой номинации в предании, а также в сообщениях Г.Ф. Миллера [20], исследователь считает, что присутствие ахунов в ханстве гипотетично, и предполагает, что под ахунами подразумеваются другие категории духовенства – муллы, абызы [8. С. 178–179]. Однако некоторые имеющиеся материалы свидетельствуют не только о присутствии данной номинации в номенклатуре ханского и постханского периодов истории сибирских татар, но и о реальных личностях, находившихся на должности ахунов в конце XVI – начале XVII в.

Известно, что ахунами (ахундами) (от перс. *хаванд* или *ахунд* – наставник, господин) обычно называли исламских богословов, ученых, главных духовных лиц, специалистов по мусульманскому праву, имеющих право выносить судебные решения и издавать религиозно-правовые предписания.

По всей видимости, институт сейидов, действовавший в Сибирском ханстве, в новых исторических реалиях в прежнем формате перестал существовать. В новой системе организации мусульманского сообщества ахуны заняли верхнюю ступеньку исламской иерархии и определялись как главные лица в местной мусульманской иерархии XVII–XVIII вв. Данная система просуществовала вплоть до создания Оренбургского духовного управления в конце XVIII в.

Что касается сейидской династии, то сейид Дин-Али, известный по периоду Сибирского ханства, кото-

рый также был зятем хана Кучума, упоминается в документах, относящихся к концу XVI – первой трети XVII в., как «тарский юртовской татарин сеид Тенелей Берелеев», находившийся на русской службе [8. С. 168; 21. С. 165]. Он и его потомки утрачивают прежний статус высших духовных лиц, который был у них в период ханства, но принадлежность к сейидскому роду сохраняет их высокое положение и авторитет среди татарского населения.

Категория ахунов присутствует в сибирских материалах, относящихся к XVII и XVIII вв. Так, в «Трактате о генеалогии» («Шаджара рисаласи»), в котором записана родословная тарских сейидов, повествование ведется от имени Ходжам-Шукура, сына Йусуф бия, который называет себя ахуном города Тобола. Далее он сообщает, что «наш отец Йусуф был бием во времена хана Кучума. Наш отец из этого мира переселился, но от него мы, Ходжам-Шукур-ахун, слышали о прибытии для обучения исламской вере Дин Али-ходжи, а также его происхождение от Сайид-Аты...» [3]. Исходя из приводимых данных, ахун Ходжам-Шукур жил в «Тоболе» (Тобольске) в конце XVI – первой половине XVII в. «Трактат» содержит информацию о том, что Дин-Али-ходжа прибывает из Тары в Тобольск, где встречается с представителями исламского духовенства, среди которых называется ахун Ходжам-Шукур, а также Ширбетти-шайх. Дин-Али-ходжа сообщает им об утрате «в смуту Ермака» своей родословной и собирается поехать за ней в Ургенч для ее восстановления. Однако вышеназванный ахун отговаривает его от поездки и говорит: «Мы Вам сами напишем родословие на основе свидетельства всего народа и со слов и свидетельства прибывшего с Вами Ширбетти-шайха» [Там же]. Именно данное подтверждение тобольским ахуном происхождения Дин Али-ходжи от рода «сайида» и восстановление его утраченной родословной со слов свидетелей тех событий сохранилось в дальнейшем в родословной ходжей, пребывавших в деревне с названием Ходжа-аул Тарского уезда Тобольской губернии [Там же].

В «Тобольской рукописи» Саад Ваккаса б. Раджаб Мамет-Аллакулова, более известной как рукопись «О религиозных войнах шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири», хранящейся в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, также сообщается о категории ахунов. Значительная часть содержания рукописи посвящена информации о кодификации священных могил (астана) шейхов, погибших во времена исламизации Западной Сибири. В данном мероприятии, как указано Саад Ваккасом б. Раджаб Мамет-Аллакуловым, принимал участие и ахун «Тобола и Томска» Абд ал-Карим кади, который вместе с Ибн-Йамин-ходжа, согласно рукописи, собрал «в одно родословие» священные могилы (астана). Далее речь идет о том, что дополненный список астана был отправлен «ахунам Тобола» [7. С. 61–65]. А «Ахунам Тарского юрта все тайны стали известны, что 49 астана открыты» [Там же]. Одним из организаторов и участников кодификации назван шейх Ширбетти, прибывший в Сибирь еще во времена правления хана Кучума. В связи с тем, что одним из акто-

ров описываемых событий назван в рукописи ахун «Тобола и Томска», можно предположить, что эти действия относятся к началу XVII в., не ранее 1604 г., когда был основан Томск. Таким образом, выявляется имя еще одного тобольского ахуна, деятельность которого относится к началу XVII в., возможно, сменившего Ходжам-Шукура б. Йусуфа на этой должности.

Вновь имя Ходжам-Шукур (Хваджам-Шукур) в качестве ахуна тобольских татар встречается уже в первой половине XVIII в. и имеет прямое отношение к известному роду сибирских мурз Кульмаметевых, которые на протяжении длительного времени управляли служилыми и ясачными татарами края в качестве татарских голов [22. С. 118–125].

Недавно в Государственном архиве Пермского края челябинским историком Г.Х. Самигуловым был обнаружен комплекс новых документов, касающихся семьи Кульмаметевых. Среди них приводится «Поколенная роспись» Кульмаметевых, ведущая начало от «мурзы Авазбакея Кульмаметева». Она позволила уточнить некоторые моменты родословной, касающиеся XVIII в. Так, у мурзы Авазбакея Кульмаметева, жизнь и деятельность которого относится к XVII в., согласно «Росписи», было 5 сыновей – Назар, Мурзат, Сабанак, Маметмурат и Хоцамшукур. Один из них, Сабанак, указан головой служилых татар, а еще один из сыновей, Хоцамшукур, – ахун [23. Л. 82].

Таким образом, в «Росписи» ахуну назван один из сыновей головы тобольских служилых татар Авазбакея Кульмаметева [22. С. 117]. С этим сыном Авазбакея связана история обнаружения в первой четверти XVIII в. пленным шведским офицером Ф.И. Таббертом-Страленбергом в Тобольске списка исторической хроники Абул-Гази «Родословная тюрок». Рукопись, согласно приводимому А.К. Бустановым отрывку из дневника Табберта-Страленберга, принадлежала «главному священнику Агуну Азбакеевичу» [9. С. 17]. А.К. Бустанов называет его «другом мирзы Сабанака и пленного шведского офицера Табберта-Страленберга» и приводит его имя: Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки [Там же. С. 18]. Далее он сообщает, что Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки был учеником йасавийского шейха Давлат-шаха б. Шаха Абд ал-Ваххаба алХусайни ал-Испичафи и, видимо, через посредство своего учителя получил список рукописи [Там же]. Через десять лет, в 1734 г., историк Г.Ф. Миллер сообщает, что видел рукопись в Тобольске у «одного бухарца духовного звания», возможно, у того же ахуна [20. С. 192]. Имя отца ахуна – Авваз-Баки (Гавваз-Бакий, Авазбакей), а также указанные в документе близкие отношения с головой служилых татар Сабанакон Кульмаметевым позволили нам предположить, что Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки являлся сыном тобольского служилого татарина, а с 1692 г. – головы служилых татар Авазбакея Кульмаметева, игравшего заметную роль в политической жизни Сибири [22. С. 117–118]. Обнаруженная пермская «Роспись» подтверждает, что Хоцамшукур, или Хваджам-Шукур б. Аввас-Баки, «Агун Азбакеевич» – главное духовное лицо Тобольска, приходился родным братом голове тобольских служилых татар Сабанакон Кульмаметеву [23. Л. 82].

Как видим, Кульмаметевы стремились сосредоточить в своих руках как светскую, так и духовную власть над татарским населением. Потому не случайно, что во второй половине XVIII в. на имя бывшего головы мурзы Авазбакея (второго) Кульмаметева и ахуна Абтигарима Тацимова, а также головы Сабанака (второго) Кульмаметева приходит высочайшее предписание о том, что дела по «махометанскому закону... препоручены в единственное их ведение» [24. Л. 3]. Помимо этого, в указе отмечалось, что им также должны были быть «по духовным делам в послушании» состоящие «в том махометанском законе» татары Тарского, Томского, Тюменского и Верхотурского ведомств. «По смерти помянутых головы Кульмаметева и агуна Тацимова те законные дела разбирательством случаи по их махометанскому закону и духовных чинов поныне головою Сабанакон Кульмаметевым производятся» [24. Л. 3].

Обращает на себя внимание, что руководство делами «по махометанскому закону» было поручено, сначала совместно с ахуну Тацимовым, не духовным лицам, а людям светским – голове служилых татар Авазбакею Кульмаметеву и его сыну Сабанакон. И, как видно из документа, во второй половине XVIII в. этими делами занимался единолично татарский голова Сабанакон Кульмаметев. Однако, как известно, Аптигарим Тацимов, который назывался в Тобольске ахуну, главным лицом духовной иерархии татар в Сибири [25. С. 299], Г.Ф. Миллером называется родственником Сабанака Кульмаметева. Видимо, и должность ахунов как главных духовных лиц некоторое время удерживалась и передавалась по наследству в клане Кульмаметевых. С другой же стороны, нельзя не брать во внимание тот факт, что «суд и расправа» как над служилыми, так и над ясачными татарами, которые были в ведении татарского головы, основывались на «махометанском законе» [26]. Видимо, на какое-то время во второй половине XVIII в. в руках Сабанака Кульмаметева (второго) сосредоточилась как светская, так и религиозная власть.

Следует заметить, что это было неслучайно. Кульмаметевы сыграли как головы служилых татар значимую роль в сохранении ислама и его позиций в Тобольске. Обладая большой властью над местным населением и серьезным влиянием на политику местной власти, они активно противодействовали политике христианизации. Думается, благодаря их планомерной деятельности служилые татары оставались мусульманами на протяжении всего периода существования данной этносословной группы. Несмотря на то, что в XVII в. высочайшими грамотами тобольским митрополитам было предписано «неволею никаких иноземцев крестить не велеть», на месте эти распоряжения часто не соблюдались. Местная православная власть стремилась всеми способами увеличить паству, в связи с чем от тобольских татар и бухарцев поступали многочисленные жалобы. Во главе противодействия активной христианизации татар вставали служилые татары под началом Авазбакея (первого) Кульмаметева. Так, по челобитью тобольских служилых, захребетных, ясачных татар и бухарцев Авазбакея Кульмаме-

тева с товарищами в 1686 г. из Москвы было направлено предписание о том, чтобы желающие принять православие подавали прошения сначала в приказную избу, и лишь после рассмотрения их воеводой направляли эти прошения к митрополиту для обращения в христианскую веру. Самому митрополиту было запрещено принимать эти прошения, а также приказано «не дожидаясь из приказных избы памятей – тех людей не крестить» [27. С. 331–333]. Эта мера была вызвана тем, что для привлечения в православие тобольский митрополит принимал тех людей, которые, совершив какое-либо преступление, бежали от единоверцев, с тем чтобы, изменив веру, избавиться от наказания или от прежней кабалы. В наказе тобольскому воеводе от 1697 г. в очередной раз были подтверждены распоряжения о недопустимости насильственной христианизации: митрополиту было предписано «насильством никого не крестить» [Там же].

С начала XVIII в. наступает новый этап колонизации Сибири, который известный историк А.В. Головнев назвал «эпохой Филофея Лещинского», или «эпохой конфессионального захвата» [28. С. 90]. В первой четверти XVIII в. начинает активно проводиться политика массовой христианизации сибирских народов. В целом она определялась внутренней политикой Петра I, который «ставил перед церковью на первый план практическую задачу: средствами религиозного воздействия на верующих служить делу укрепления самодержавной власти» [29. С. 27]. В 1706 г. Петр поручает митрополиту Филофею Лещинскому ехать на север, к остякам и вогуличам (ханты и манси), с «проповедью Евангельскую». В итоге миссионерской деятельности Ф. Лещинского, его сподвижников и последователей к 40–70-м гг. XVIII в. основная часть хантыйского и мансийского населения Березовского края была крещена [Там же]. Наряду с вогулами, остяками, якутами указ 1714 г. предписывал крестить и татар [30]. При тобольском и сибирском митрополите Филофее Лещинском в 1718–1720 гг. были крещены туринские татары, а в 1720 г. – обские и чулымские татары. По приводимым Ф.Т. Валеевым данным, за 10 лет (1749–1758) в Тобольской губернии было обращено в христианство 2 500 чел. обоего пола [31. С. 173–174].

Служилые татары вновь оказывали активное противодействие насильственному крещению. В 1724 г. митрополит Филофей Лещинский писал в Синод о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [29. С. 68]. В.П. Ключева приводит сведения о том, что сохранились челобитные на имя митрополита Павла от новокрещенных Павла Крупенина «с товарищи» (16 человек), перешедших в православие в 1755 г., с жалобой на татарского голову Сабанакова и бухарского старшину Алимова: «...Восприяли мы, низайшие, православную христианскую веру. А понеже на нас по восприятию святого крещения по происку и домогательству татарского головы Азбакея Сабанакова и, да бухарского старшины Муллы Алимова положен неумеренной ясак. А именно по 2 рубля в год, которой они с нас спрашивают с немалою строгостию...

угрожают держать под караулом...» [32. Л. 3–3 об.; 33]. В этой же челобитной далее говорится: «При чем они, Сабанаков и Алимов, произносят и такие еще к поруганию христианской веры речи, что де хотя мы и крестились, а ис-под их власти не вышли, и что де хотят, то с нами новокрещеными, они и делают, и впредь делать будут» [32. Л. 3–3 об.].

Следует отметить, что этап «конфессионального захвата» в отношении сибирских татар в целом и служилых татар в частности проходил все же значительно мягче, чем в отношении служилых татар Поволжья, и менее успешно, чем в отношении языческих народов Сибири. «Мягкость» в отношении сибирско-татарского служилого сословия, на наш взгляд, была определена тем, что в далекой Сибири существовала острая необходимость для власти как социальной, так и военной поддержки татарской аристократии, связанная со значительной отдаленностью от центра огромной по размерам сибирской вотчины, постоянной угрозой ее отпадения, необходимостью в татарской коннице в борьбе с «башкирцами и киргис-кайсаками» даже в XVIII в. Значимую роль в отстаивании позиций ислама сыграли в этот период служилые татары-мусульмане, которые выстроили политику соблюдения интересов мусульманской религии. Ведущая роль в этом принадлежала светским и духовным религиозным лидерам, в том числе клану Кульмамметевых. Сосредоточение в руках клана должностей татарских голов и ахунов, т.е. высших лиц светской и духовной власти над татарским населением, позволяло им вести планомерную политику по отстаиванию позиций мусульманской конфессии.

В 1788 г. был издан указ Екатерины II «Об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания». С созданием Оренбургского магометанского духовного собрания изменилась прежняя система организации мусульманского сообщества Российской империи. Новая структура иерархии мусульманских духовных лиц распространилась также на Урал и Сибирь. В законодательных актах России с конца XVIII в. стали четко регламентироваться категории духовных лиц. Если до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания ахуны являлись высшими руководителями местного мусульманского сообщества (уммы), то с учреждением Собрания их статус понижался. Была ликвидирована их выборность, а должность ахуна стала почетным званием, присуждаемым имамам Министерством внутренних дел или Оренбургским духовным собранием за их особые религиозно-административные заслуги. Среди новых требований к данной категории духовных лиц было то, что ахун должен был владеть русским языком в объеме курса одноклассного народного училища. Несмотря на понижение статуса, ахуны обладали значительными правами, являясь старшими по должности в определенном районе, как правило, состоящим из нескольких волостей, и пользовались большим влиянием. Они также обладали достаточно широкой компетенцией при решении отдельных религиозно-бытовых вопросов, выступая посредниками между имамами и Оренбургским духовным собранием. К привилегиям на этой должности исследователи относят то, что, как

и все чины Оренбургского мусульманского духовного собрания и их дети, ахуны были защищены от телесных наказаний. Вместе с тем они должны были платить подати и повинности в зависимости от сословия, к которому принадлежали, за исключением дворовой (подымной) подати, которую они не платили наряду со служителями других конфессий. Также приходы, по добровольным общественным приговорам, могли освобождать их от уплаты налогов, принимая платежи на себя. Ахуны несли ответственность перед Оренбургским духовным собранием за совершение поступков, противоречащих шариату. собрание могло налагать взыскания на них в виде временного удаления или лишение духовного звания [34, 35].

Таким образом, мы видим, что термин «ахун» как одна из категорий мусульманского духовенства встречается в документах с достаточно раннего времени.

Отмечается присутствие ахунов уже в XVI в. В XVII в. ахунами называли главных духовных лиц, имеющих право выносить судебные решения и издавать религиозно-правовые предписания. В XVIII в., видимо, за этим термином стояло лицо, обладавшее верховной религиозной властью, причем тесно связанное со светским управлением мусульманами региона. Потому неслучайно, что в течение XVIII в. на этой должности были представители рода сибирских мурз Кульмаметевых, имевшие большой авторитет среди мусульманского населения. Скорее всего, такая ситуация продолжалась до екатерининского Указа 1788 г. «Об учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания», который изменил прежнюю систему организации мусульманского сообщества Российской империи. В целом следует отметить, что вопрос об исламских институтах в Западной Сибири требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань : Татар. кн. изд-во, 1997. 78 с.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
- Бустанов А.К. Семейная хроника сибирских сайидов. Шаджара Рисалас (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире, 2009. № 1-2 (13-14). С. 45–61.
- Бустанов А.К. Ранняя версия сочинения об исламизации Сибири // «Сулеймановские чтения» : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск : Тобольск. гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 159.
- Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск : Наука, 2009. Т. 11. С. 195–229.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Марджани, 2009. 216 с.
- Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М. : Вост. лит., 2011. С. 33–78.
- Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань : Фэн, 2011. 228 с.
- Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М. : Марджани, 2013. 264 с.
- Татауров С.Ф., Корусенко М.А. История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т. 38, ч. 4. С. 798–807.
- Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Религиозная культура // Тюменское и Сибирское ханства. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 232–255.
- Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158.
- DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania University Press, 1994. 638 p.
- DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 1995. Vol. 115, № 4. P. 619–634.
- Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 2. 472 с.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань : Школа, 2007. 356 с.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 411 с.
- Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 384 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. М. : Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв., ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 153–175.
- Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности служилых татар (XVII–XIX вв.). Казань : Фэн, 2010. 288 с.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 314. Оп. 1. Д. 109.
- Рукописный отдел Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (РО ТИАМЗ). Д. № 12864.
- Юшков И.Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35–45.
- Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. Вып. 6. 310 с.
- Андреевич В.К. История Сибири. СПб. : тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. 487 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
- Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. 148 с.
- Шеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882 гг.). Иркутск : Вост.-Сиб. отдел ИРГО, 1883. 779 с.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань : Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО «ГА в Тобольске»). Ф. 156. Оп. 2. Д. 265.
- Клюева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы : материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск, 2002. С. 186–188.
- Указ Именной, данный Генерал-Поручику Каменскому 28 января 1783 г. – О дозволении подданным Магометанского закона избирать сами у себя ахунов // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 46–47.
- Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи : энцикл. словарь. М., 2006. Т. I. С. 286–292.

Zaytuna A. Tychinskikh, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia). E-mail: zaituna.09@mail.ru

TOBOLSK AKHUNS IN THE XVI–XVIII CENTURIES

Keywords: Muslim clergy; Akhune; Kulmametev; Siberia; Tobolsk.

The main purpose of the article is to examine a poorly studied issue about the structure of the Muslim clergy in Siberia in the 16th–18th centuries. To achieve the set goal, it was planned to solve the following tasks: to identify the composition of Muslim clergy and determine the status and functions of different groups of Muslim clergies in Siberia during the Siberian Khanate and during later historical stages. The author has given the special attention to the category of Akhuns. The source of the research was the materials of central and regional archives. In the course of the study, the author concluded that as a result of the Islamization of the Siberian Khanate, representative of the Muslim clergy also entered the ruling stratum of this state, including sheikhs, mullahs, hodjis, hafizis, muftiys and mudarris. A special place in the Muslim leadership of the Siberian Khanate was assigned to the Sayyid, who was the highest cleric in Turkic-Tatars states. According to the author in the 16th century in the Siberian Muslim elite was already known the category of Akhuns. Akhuns was Muslim theologians, the main clergymen, who have the right to make judgments and issue religious legal orders. The names of the Tobolsk Akhuns were revealed: the turn of the 16th–17th centuries the Tobolsk akhun was Khojam-Shukur b. Yusuf, and in the 18th century was Khwajam-Shukur b. Avvas-Baki. On the base of identified archival documents it was found that Khwajam-Shukur b. Avvas-Baki was a son of the head of Tobolsk service Tatars Avazbakey Kulmametev. Murzes Kulmametevs had great authority among the Muslim population of Siberia. They opposed the policy of Christianization of the Tatar population. In the second half of the 18th century, the Imperial government instructed the supervision of “Mohammedan law” in the exclusive jurisdiction of Kulmametevs. Apparently during the 18th century the main clerics Akhun were appointed members of the clan Kulmametevs. In this example we can see that this powerful clan of the Tobolsk murzes Kulmametevs sought to keep the secular and clerical power in their hands.

REFERENCES

1. Iskhakov, D.M. (1997) *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh* [The seids in the Late Golden Horde Tatar states]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
2. Seleznev, A.G. & Selezneva, I.A. (2004) *Sibirskiy islam: regional'nyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: A Regional Variant of Religious Syncretism]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Bustanov, A.K. (2009) *Famil'naya khronika sibirskikh sayidov. Shadzharal Risalasi (tekst, perevod, kommentarii)* [Family Chronicle of Siberian Sayyids. Shajara Risalasi (text, translation, commentary)]. *Islam v sovremennom mire – Islam in the Modern World*. 1-2(13-14). pp. 45–61.
4. Bustanov, A.K. (2009) *Rannyya versiya sochineniya ob islamizatsii Sibiri* [An early version of the essay on the Islamization of Siberia]. *Suleymanovskie chteniya* [The Suleimanov Readings]. Proc. of the 12th Conference. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute. p. 159.
5. Bustanov, A.K. (2009) *Manuskripty sufiyskikh shaykhov: turkestanskaya traditsiya na beregakh Irtysha* [Manuscripts of Sufi Shaikhs: Turkestan Tradition on the Banks of the Irtysh]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 11. Omsk: Nauka. pp. 195–229.
6. Seleznev, A.G., Selezneva, I.A. & Belich, I.V. (2009) *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: Specificity of the Universal]. Moscow: Mardzhani.
7. Bustanov, A.K. (2011) *Sufiyskie legendy ob islamizatsii Sibiri* [Sufi legends about the Islamization of Siberia]. In: Klyashtorny, S., Sultanov, T. & Trepavlov, V. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological collection. 2009–2010. Turkic peoples of Eurasia in Ancient times and the Middle Ages]. Moscow: Vost. lit pp. 33–78.
8. Iskhakov, D.M. (2011) *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Seyid Institute in Ulus Jochi and the Late Golden Horde Turkic-Tatar States]. Kazan: Fen.
9. Bustanov, A.K. (2013) *Knizhnaya kul'tura sibirskikh musul'man* [The book culture of Siberian Muslims]. Moscow: Mardzhani.
10. Tataurov, S.F. & Korusenko, M.A. (2015) *Istoriya islama v Zapadnoy Sibiri: mezhdistsiplinarnyy podkhod k khronologii i periodizatsii* [History of Islam in Western Siberia: an interdisciplinary approach to chronology and periodization]. *Bylie gody*. 38(4). pp. 798–807.
11. Maslyuzhenko, D.N. (2015) *The Sufi orders activities on the territory of Tyumen and Siberian khanates*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(34). pp. 5–9. (In Russian).
12. Seleznev, A.G. & Selezneva, I.A. (2018) *Religioznaya kul'tura* [Religious culture]. In: Maslyuzhenko, D.N., Sitdikov, A.G. & Khayrutdinov, R.R. (eds) *Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva* [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan: Kazan State University. pp. 232–255.
13. Maslyuzhenko, D.N. (2019) *The Islamization process of the population of the South of Western Siberia in the 13th–16th centuries vv. Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 7(1). pp. 131–158. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158
14. DeWeese, D. (1994) *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania University Press.
15. DeWeese, D. (1995) *The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia*. *Journal of the American Oriental Society*. 115(4). pp. 619–634.
16. Russia. (1841) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey* [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: Expeditions of Procurement of State Papers.
17. Iskhakov, D.M. & Izmaylov, I.L. (2007) *Etropoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical history of the Tatars (the 3rd – mid-16th centuries)]. Kazan: Shkola.
18. Radlov, V.V. (1872) *Obratzы narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes from southern Siberia and the Dzungar steppe]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.].
19. Pokrovsky, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
20. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
21. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Seminal Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 153–175.
22. Tychinskikh, Z.A. (2010) *Sluzhilye tatarsy i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sluzhilykh tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and their role in the formation of the ethnic community of service Tatars (the 17th – 19th centuries)]. Kazan: Fen.
23. The State Archives of the Perm Territory (GAPK). Fund 314. List 1. D. 109.
24. The Manuscript Department of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve (RO TIAMZ). File № 12864.
25. Yushkov, I.N. (1861) *Sibirskie tatarsy* [Siberian Tatars]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. 35–45.
26. Miller, G.F. (1996) *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh* [Siberia of the 18th century in travel descriptions]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary Sources]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.
27. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
28. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: UB RAS.

29. Ogryzko, I.I. (1941) *Khristianizatsiya narodov Tobol'skogo Severa v XVIII v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the 18th century]. Leningrad: Uchpedgiz.
30. Shcheglov, I.V. (1883) *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri (1032–1882 gg.)* [A chronological list of the most important data from the history of Siberia (1032–1882)]. Irkutsk: Imerial Russian Geographical Society.
31. Valeev, F.T. (1993) *Sibirskie tatary. Kul'tura i byt* [Siberian Tatars. Culture and Life]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo.
32. The Tyumen Region State Archives in Tobolsk. Fund 156. List 2. File 265.
33. Klyueva, V.P. (2002) K voprosu o deyatelnosti Sledstvennoy o tatarakh i bukhartsakh komissii (ser. XVIII v.) [On the activities of the Investigative Commission on the Tatars and Bukharians (the mid-18th century)]. In: Neskorov, A.V. (ed.) *Tyurkskie narody* [Turkic Peoples]. Tobolsk–Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 186–188.
34. Russia. (2001) Ukaz Imennoy, dannyy General-Poruchiku Kamenskoyu 28 yanvarya 1783 g. – O dozvolenii poddannym Magometanskogo zakona izbirat' sami u sebya akhunov [Imperial Edict given to Lieutenant-General Kamensky on January 28, 1783 – On allowing the subjects of the Mohammedan law to elect their own Akhuns]. In: Arapov, D.YU. (ed.) *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)]. Moscow: Akademkniga. pp. 46–47.
35. Anon. (2006) *Musul'manskoe dukhovenstvo* [Muslim clergy]. In: Prozorov, S.M. (ed.) *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii* [Islam in the Former Russian Empire]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 286–292.